

УДК 330.35:330.16:17.023.34

<https://doi.org/10.18799/26584956/2026/2/2147>

Шифр специальности ВАК: 5.2.6

Эволюция теоретических подходов к взаимосвязи счастья и экономического роста: критический обзор

В.В. Коростелева✉

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, г. Москва*

✉ vivkorosteleva@fa.ru

Аннотация. В условиях глобального переосмысления целей экономического развития, кризиса парадигмы ВВП и перехода к политике, ориентированной на благополучие, особую значимость приобретает анализ теоретических оснований «экономики счастья». Накопленный за 50 лет объем требует систематизации и критического осмысления для выявления ключевых дискуссионных точек, а также перспективных направлений дальнейших научных работ в области управления социально-экономическими системами. **Цель:** систематизация и критический анализ эволюции теоретических подходов к исследованию взаимосвязи между экономическим ростом и субъективным благополучием, а также выявление ключевых дискуссионных точек, определяющих современную научную повестку в области управления благополучием. **Методы:** сравнительно-исторический анализ, метод критического анализа, метод синтеза, системный подход, контент-анализ научной литературы. **Результаты:** проведен анализ основополагающих работ Р. Истерлина, Б. Стивенсон и Дж. Вулферса, Б. Фрея и А. Штуцера, Р. Инглхарта, Д. Канемана и А. Дитона, Я.-Э. де Нева и Э. Освальда, Р. Уилкинсона и К. Пикетт, К. Грэм, Э. Кларка и С. Флеш. Выявлены ключевые этапы эволюции научной мысли: от «парадокса Истерлина» через институциональный поворот и дифференциацию понятия счастья к современным лонгитюдным исследованиям. Систематизированы критические аргументы в отношении каждого из рассмотренных подходов, выделены зоны научного консенсуса и сохраняющиеся дискуссионные вопросы. Определено значение теоретических дискуссий для формирования современной политики благополучия на уровне государства и бизнеса, а также для развития управленческих практик, ориентированных на человеческий и психологический капитал. **Выводы:** эволюция теоретических подходов демонстрирует переход от простых линейных моделей к сложным многомерным конструкциям, интегрирующим институциональные, социокультурные, психологические и биологические факторы. Установлено, что социальные связи и психическое здоровье являются главными детерминантами субъективного благополучия, а неравенство выступает ключевым модератором, нейтрализующим позитивные эффекты экономического роста. Полученные результаты подчеркивают необходимость перехода от фетишизации валового внутреннего продукта к многомерным системам оценки прогресса и интеграции показателей субъективного благополучия в систему принятия управленческих решений.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, экономический рост, «парадокс Истерлина», институциональная экономика, поведенческая экономика, неравенство, социальный капитал, психическое здоровье

Для цитирования: Коростелева В.В. Эволюция теоретических подходов к взаимосвязи счастья и экономического роста: критический обзор. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 2026, Т. 54, № 2, С. 118–139. <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/2/2147>

УДК 330.35:330.16:17.023.34

<https://doi.org/10.18799/26584956/2026/2/2147>

Evolution of theoretical approaches to the relationship between happiness and economic growth: a critical review

V.V. Korosteleva✉

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

✉ vivkorosteleva@fa.ru

Abstract. In the context of a global rethinking of the goals of economic development, the crisis of the Gross Domestic Product paradigm, and the transition to well-being-oriented policies, the analysis of the theoretical foundations of "happiness economics" acquires particular significance. The body of research accumulated over five decades requires systematization and critical reflection to identify key points of discussion and promising directions for further research in the field of socio-economic systems management. **Aim.** To systematize and critically analyze the evolution of theoretical approaches to the study of the relationship between economic growth and subjective well-being, as well as to identify key discussion points that define the contemporary scientific agenda in the field of well-being management. **Methods.** Comparative historical analysis, critical analysis, synthesis, systems approach, content analysis of scientific literature. **Results.** The author has analyzed the foundational works by R. Easterlin, B. Stevenson and J. Wolfers, B. Frey and A. Stutzer, R. Inglehart, D. Kahneman and A. Deaton, J.-E. De Neve and A. J. Oswald, R. Wilkinson and K. Pickett, C. Graham, A. E. Clark, and S. Flèche. The author identified the key stages in the evolution of scientific thought: from the "Easterlin paradox" through the institutional turn and the differentiation of the concept of happiness, to modern longitudinal studies. The paper systematizes critical arguments concerning each of the approaches examined, and highlights the areas of scientific consensus along with remaining debatable issues. The author determined the significance of theoretical discussions for shaping contemporary well-being policy at the state and business levels, as well as for developing management practices focused on human and psychological capital. **Conclusions.** The evolution of theoretical approaches demonstrates a transition from simple linear models to complex multidimensional constructs integrating institutional, socio-cultural, psychological, and biological factors. It was established that social relations and mental health are the main determinants of subjective well-being, and inequality acts as a key moderator, neutralizing the positive effects of economic growth. The obtained results emphasize the need to move away from the fetishization of Gross Domestic Product towards multidimensional systems for assessing progress and integrating subjective well-being indicators into the management decision-making system.

Keywords: happiness, subjective well-being, economic growth, Easterlin paradox, institutional economics, behavioral economics, inequality, social capital, mental health

For citation: Korosteleva V.V. Evolution of theoretical approaches to the relationship between happiness and economic growth: a critical review. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2026, vol. 54, no. 2, pp. 118–139. <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/2/2147>

Введение

Вопрос о том, делает ли экономический рост людей счастливее, сопровождает экономическую науку на протяжении всей ее истории, однако во второй половине XX в. он приобрел характер острого научного и политического вызова. Долгое время доминировавшая парадигма отождествляла общественный прогресс с ростом валового внутреннего продукта (ВВП), полагая, что увеличение объемов производства автоматически влечет за собой повышение качества жизни. Однако к концу XX в. накопилось достаточно эмпирических свидетельств, ставящих под сомнение эту упрощенную формулу. ВВП, будучи инструментом измерения рыночной активности, не учитывает такие фундаментальные аспекты человеческого существования, как

распределение доходов, качество социальных связей, состояние окружающей среды и, что наиболее важно, субъективное ощущение благополучия [1]. Как показано в докладе Д.Ю. Стиглица, А. Сена, Ж.-П. Фитусси, ориентация исключительно на ВВП приводит к парадоксальным выводам: ликвидация последствий стихийных бедствий, стимулирующая восстановительные работы, увеличивает ВВП, тогда как бесплатные цифровые сервисы, создающие значительную потребительскую ценность, не находят отражения в данном показателе.

Осознание ограниченности традиционных макроэкономических индикаторов привело к формированию нового междисциплинарного направления – «экономики счастья» (Happiness Economics), которое поместило в центр анализа субъективное благополучие. За пять десятилетий, прошедших с момента публикации основополагающих работ, накоплен огромный объем теорий, концепций и эмпирических данных, объясняющих сложную, нелинейную и часто парадоксальную связь между доходом и ощущением счастья. От знаменитого «парадокса Истерлина» [2] до современных исследований на стыке нейроэкономики и генетики [3] – каждое новое открытие не столько ставило точку в дискуссии, сколько порождало новые вопросы о роли институтов, неравенства, социального капитала и психологического здоровья.

Проблема, однако, заключается в том, что существующие обзоры и систематизации, как правило, носят фрагментарный характер, рассматривая либо отдельные хронологические периоды, либо изолированные группы факторов. Работы, посвященные вкладу поведенческой экономики [4], редко пересекаются с исследованиями институциональных эффектов [5] или социокультурной динамики [6]. Между тем, именно синтез этих, в ряде случаев противоречащих друг другу подходов позволяет увидеть целостную картину эволюции научной мысли и выявить те узлы, вокруг которых по сей день ведутся наиболее острые дискуссии. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел, предложив систематический и критический анализ ключевых теоретических направлений в экономике счастья за последние полвека. Новизна настоящего исследования заключается не в повторении уже известных выводов (социальные связи важнее денег, неравенство вредит и т. д.), а в трех аспектах. Во-первых, в статье впервые в отечественной литературе предпринята попытка не просто перечислить разные подходы, а построить конфликтную карту дискуссии: для каждой ключевой работы (Р. Истерлин, Б. Стивенсон и Д. Вулферс, Д. Канеман и А. Дитон, Дж.-И. де Неве и А. Дж. Освальд, С. Оиси и К. Грэм) систематизированы не только их выводы, но и аргументированные контрдоводы последующих критиков, включая количественные оценки (например, для каких 15–20 % населения работает порог насыщения). Во-вторых, предложена оригинальная периодизация из пяти этапов, каждый из которых заканчивается не «победой» какого-либо подхода, а фиксацией зоны сохраняющейся неопределенности (например, проблема каузальности, культурная предвзятость, эффекты цифровизации). В-третьих, показано, как именно теоретические разногласия между Р. Истерлином и Б. Стивенсон, Д. Вулферс трансформировались в измеримые индикаторы политики благополучия (от Всемирного доклада счастья до бюджетной практики Новой Зеландии), что позволяет говорить не о чисто академическом, а об управленческом измерении дискуссии.

Целью данной статьи – систематизация и критический анализ эволюции теоретических подходов к исследованию взаимосвязи между экономическим ростом и субъективным благополучием, а также выявление ключевых дискуссионных точек, определяющих современную научную повестку в области управления благополучием.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение ряда взаимосвязанных задач. Прежде всего необходимо проследить генезис проблематики, начиная с возникновения «парадокса Истерлина», сформулированного Ричардом Истерлином в 1974 г. и впоследствии уточненного им в более поздних работах [2], и проанализировать первую волну критики, которая поставила под сомнение универсальность этого парадокса. Речь идет в первую очередь об исследованиях Бетси Стивенсон и Джастина Вулферса, которые на основе

более широких данных продемонстрировали наличие линейной связи между доходом и счастьем даже после достижения так называемого «порога насыщения» [7]. Далее требуется рассмотреть, как происходило расширение исследовательского поля за счет включения институциональных и социокультурных переменных. Это направление наиболее ярко представлено в трудах Бруно Фрея и Алоиса Штуцера, показавших значение прямой демократии, федерализма и автономии для субъективного благополучия [5], а также в работах Рональда Инглхарта, обосновавшего теорию постматериалистического сдвига ценностей в развитых обществах [6].

Особого внимания заслуживает вклад поведенческой экономики, представленный в первую очередь новаторским исследованием Дэниела Канемана и Ангуса Дитона, которое предложило принципиальное разграничение между эмоциональным благополучием (ежедневные переживания) и оценочным благополучием (когнитивная удовлетворенность жизнью), а также установило пороговый уровень дохода, после которого дальнейший его рост перестает значимо влиять на эмоциональное состояние [4]. Революционное значение имела работа Яна-Эммануэля де Неве и Эндрю Освальда, которые с помощью методов менделевской рандомизации впервые доказали обратную причинно-следственную связь: счастье и удовлетворенность жизнью выступают не только следствием, но и предиктором будущего роста доходов [3].

Важным направлением анализа выступает изучение неравенства как модератора связи между доходом и благополучием. В связи с этим необходимо обратиться к резонансным исследованиям Ричарда Уилкинсона и Кейт Пикетт, которые обосновали тезис о том, что высокий уровень неравенства вредит психологическому здоровью и социальному капиталу даже относительно обеспеченных слоев населения [8]. Эта линия получила развитие в работах Кэрол Грэм, исследовавшей феномен «несчастливого роста» и «смертей от отчаяния» в США [9], а также в коллективной работе Шигехиро Оиси, Кэрол Грэм и Селина Кесебира, напрямую связавшей «парадокс Истерлина» с ростом экономического неравенства [10].

Наконец, необходимо обобщить результаты современных лонгитюдных наблюдений, представленных в работе Эндрю Кларка, Сары Флеш и их коллег, которые на основе многолетних панельных данных выстроили иерархию факторов благополучия, показав, что психическое здоровье и качество социальных связей существенно превосходят по значимости материальный доход [11]. Завершающим этапом анализа станет рассмотрение того, как теоретические дискуссии последних десятилетий институционализировались в таких глобальных проектах, как доклад Д.Ю. Стиглица, А. Сена, Ж.-П. Фитусси, заложивший концептуальные основы движения Beyond GDP [1], и ежегодный Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report), публикуемый под эгидой ООН с 2012 г. и предлагающий операционализацию шести ключевых факторов счастья на межстрановом уровне [12].

Границы исследования определены как хронологически, так и содержательно. Хронологические рамки охватывают период с 1970-х, ознаменовавшихся публикацией первых работ Ричарда Истерлина [2], по 2020-е гг., включая работы, учитывающие влияние новейших глобальных вызовов – цифровизации, пандемии COVID-19 и климатических изменений – на субъективное благополучие. Данная работа фокусируется на основных школах и направлениях экономики счастья, получивших признание в международном академическом дискурсе и нашедших отражение в ведущих научных изданиях и отчетах международных организаций (ООН [12], ОЭСР [13], Всемирный банк [14], ВОЗ [15]).

Теоретико-методологические основания исследования

Любое исследование, претендующее на научную строгость, требует четкого определения понятийного аппарата и прозрачного описания методов анализа. В случае с «экономикой счастья» данное требование приобретает особую значимость, поскольку объект изучения – субъективное благополучие – по своей природе трудно поддается операционализации и измерению.

Термин «счастье», широко используемый в обыденном языке, в научном дискурсе требует строгой операционализации. Как было показано в предыдущей работе автора, эволюция концепций счастья – путь «от абстрактной философской категории к количественному экономическому индикатору» [16, с. 7062]. В античной философии, представленной трудами Аристотеля, счастье (эвдемония) понималось как деятельность души, согласная с добродетелью, тогда как утилитаристская традиция (И. Бентам, Дж.С. Милль) свела его к совокупности удовольствий и отсутствию страданий [16].

В позитивной психологии утвердилась дихотомия между гедонистическим счастьем (традиция Эпикура и И. Бентама) и эвдемоническим (традиция Аристотеля). Значительный вклад в разработку эвдемонического подхода внесла К. Рифф, предложившая многомерную модель психологического благополучия, включающую автономию, личностный рост, цель в жизни и самопринятие [17]. В свою очередь, М. Селигман в рамках позитивной психологии разработал модель PERMA (положительные эмоции, вовлеченность, отношения, смысл, достижения) [18]. Как справедливо отмечалось в проведенном ранее анализе, «наибольший уровень благополучия наблюдается при гармоничном сочетании обоих компонентов» [16, с. 7068].

Анализ подходов международных организаций демонстрирует, что в современном дискурсе счастье перестало быть исключительно предметом философских или психологических изысканий. ООН в рамках Всемирного доклада о счастье операционализирует его через шесть ключевых переменных (ВВП на душу населения, социальная поддержка, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, свобода выбора, щедрость, восприятие коррупции) [12, 16]. ОЭСР в Индексе лучшей жизни добавляет к этому баланс работы и личной жизни, качество окружающей среды и жилищные условия [13, 16]. Всемирная организация здравоохранения подчеркивает, что благополучие невозможно без психического здоровья [15, 16].

Отбор работ для анализа осуществлялся в несколько этапов в соответствии с принципами систематического обзора литературы.

Первый этап – поиск. Поиск проводился в базах данных Scopus, Web of Science, Google Scholar, а также в репозиториях международных организаций (ООН, ОЭСР, ВОЗ, Всемирный банк). Временной горизонт – с 1974 по 2024 г. Ключевые поисковые запросы: Easterlin paradox, happiness economics, subjective well-being AND economic growth, income AND life satisfaction.

Второй этап – критерии включения. Отбирались работы, соответствующие как минимум двум из следующих условий: 1) работа является «точкой бифуркации» для развития экономики счастья (например, [2, 4]); 2) работа содержит эмпирическую или теоретическую критику предшествующих моделей [7, 19]; 3) работа вводит новый междисциплинарный фактор (институты, неравенство, генетика); 4) работа имеет высокий индекс цитирования или опубликована в ведущих журналах (PNAS, AER, Nature Human Behaviour); 5) работа признана институционально (доклады ООН, ОЭСР, ВОЗ).

Третий этап – формирование ядра обзора. Из более чем 400 первоначально найденных источников после удаления дублей, не релевантных по названию и аннотации, а также после полнотекстовой оценки было отобрано 37 ключевых работ, которые и образуют аналитическую базу статьи. В окончательный список включены только те исследования, которые либо меняли направление дискуссии, либо систематически оспаривались в более поздних работах.

В работе используются методы сравнительно-исторического анализа, критического анализа и синтеза, что позволяет реализовать заявленную цель.

Научный обзор

Генезис проблематики: возникновение и критика «парадокса Истерлина»

Формирование «экономики счастья» как самостоятельного научного направления принято связывать с работами Ричарда Истерлина, который впервые поставил под сомнение устоявшееся представление о прямой и однозначной связи между экономическим ростом и субъектив-

ным благополучием. В основе «парадокса Истерлина» лежит наблюдение, что в рамках отдельно взятой страны в конкретный момент времени более богатые люди демонстрируют более высокий уровень счастья по сравнению с бедными, однако в долгосрочной перспективе рост среднего дохода на душу населения не сопровождается сопоставимым ростом среднего уровня счастья [2]. Для объяснения этого парадокса Р. Истерлин предложил два механизма: эффект адаптации («гедонистическая беговая дорожка») и социальное сравнение [16]. В более поздних работах он показал, что в странах с низким уровнем дохода рост ВВП действительно повышает уровень счастья, однако после достижения определенного порога дальнейший экономический рост перестает значимо влиять на субъективное благополучие [2].

Наиболее серьезный вызов «парадоксу Истерлина» был брошен в работах Бетси Стивенсон и Джастина Вулферса. Используя данные Gallup World Poll, охватывающие более 140 стран, они пришли к выводу, что связь между доходом и счастьем носит линейный характер даже после достижения высокого уровня дохода [7]. Критика Б. Стивенсон и Дж. Вулферса имела не только эмпирический, но и методологический характер: они указали на ограниченность ранних данных, различие между краткосрочными и долгосрочными трендами, а также поставили под сомнение тезис о том, что адаптация полностью нивелирует эффект роста дохода.

Систематизировать основные направления критики теории Р. Истерлина позволяет табл. 1.

Таблица 1. Критика теории Ричарда Истерлина
Table 1. Criticism of Richard Easterlin's theory

Критическое замечание Critical point	Авторы, суть замечания Authors, essence of criticism	Пример, комментарий Example, commentary
Методологические проблемы Methodological problems	Неточные данные: ранние исследования (1970–90-е гг.) опирались на ограниченные опросы. Не учтены культурные различия Inaccurate data: early studies (1970–1990s) relied on limited surveys. Cultural differences were not taken into account	Современные данные (Gallup World Poll, World Happiness Report) показывают более сложную картину. Вопрос «Насколько вы счастливы?» по-разному интерпретируется в коллективистских и индивидуалистических обществах Modern data (Gallup World Poll, World Happiness Report) show a more complex picture. The question "How happy are you?" is interpreted differently in collectivist and individualistic societies
Оспаривание «эффекта насыщения» Challenging the "satiation effect"	Б. Стивенсон и Дж. Вулферс [7] проанализировав данные 140 стран, обнаружили линейную связь между доходом и счастьем даже после 30 000 долл. на душу населения (хотя рост замедляется) Stevenson and Wolfers [7], having analyzed data from 140 countries, found a linear relationship between income and happiness even after \$30000 per capita (although growth slows down)	Жители Норвегии (70 тыс. долл. ВВП/чел.) счастливее, чем поляки (18 тыс. долл.). Другими словами, абсолютный доход все же имеет значение, а не только относительный Residents of Norway (\$70000 GDP (Gross Domestic Product) per capita) are happier than Poles (\$18000). That is, absolute income still matters, not just relative income
Роль институтов и социальных факторов Role of institutions and social factors	Р. Гудхарт и др. [12] выявили, что в странах с высоким неравенством рост ВВП действительно слабо влияет на счастье, но в обществах с перераспределением благ (Скандинавия) корреляция сильнее R. Goodhart et al. [12] found that in countries with high inequality, GDP growth indeed has a weak effect on happiness, but in societies with redistribution of wealth (Scandinavia), the correlation is stronger	В Дании (высокие налоги и соцподдержка) рост доходов повышает благополучие, в США – нет In Denmark (high taxes and social support), income growth increases well-being, but not in the USA

Динамика адаптации Dynamics of adaptation	Д. Канеман и А. Дитон [4]: люди адаптируются к росту доходов, но не ко всем аспектам жизни: к деньгам – да (эффект привыкания), к ухудшению здоровья, потере свободы или экологии – нет D. Kahneman and A. Deaton [4]: people adapt to income growth, but not to all aspects of life: to money – yes (habituation effect), to deterioration of health, loss of freedom or ecology – no	Если рост ВВП сопровождается негативными изменениями (например, ростом рабочего стресса), уровень счастья может не расти If GDP growth is accompanied by negative changes (e. g., increased work stress), happiness may not increase
Альтернативные интерпретации Alternative interpretations	Гипотеза «социальных сравнений»: люди сравнивают себя не с соседями, а с собственным прошлым [16]. Если доход растет медленнее, чем ожидания (как в США с 1980-х), удовлетворенность падает The "social comparison" hypothesis: people compare themselves not with neighbors, but with their own past [16]. If income grows slower than expectations (as in the USA since the 1980s), satisfaction decreases	Роль нематериальных благ: в развитых странах на счастье больше влияют автономия, самореализация и экология (исследования OECD) The role of intangible goods: in developed countries, happiness is more affected by autonomy, self-realization, and ecology (OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) studies)

Источник: составлено автором по данным [7, 4, 8, 16, 20]/Source: compiled by the author based on [4, 7, 8, 16, 20].

Дискуссия между сторонниками и критиками парадокса Истерлина позволила уточнить понимание взаимосвязи дохода и счастья. К настоящему моменту признано, что наличие и выраженность парадокса существенно зависят от странового контекста и временного горизонта анализа [21]. Кроме того, стало очевидно, что «парадокс Истерлина» не следует трактовать упрощенно – как отрицание связи между доходом и счастьем. Рост дохода действительно повышает счастье, но после достижения определенного уровня базовой обеспеченности на первый план выходят иные детерминанты благополучия: качество социальных связей, доверие, здоровье [8, 16].

Институциональный поворот: от абсолютного к относительному и качественному

Ключевой вклад в расширение исследовательской повестки внесли Бруно Фрей и Алоис Штуцер, показавшие, что субъективное благополучие граждан зависит не только от уровня их дохода, но и от качества институциональной среды [5]. Используя данные по Швейцарии, они продемонстрировали, что возможность непосредственного участия в принятии политических решений значимо повышает удовлетворенность жизнью. Особую убедительность выводам Б. Фрея и А. Штуцера придает примененный ими сравнительный анализ благополучия мигрантов¹ и коренных жителей. Дело в том, что мигранты пользуются теми же институтами, что и коренные жители, но их базовые ценностные установки сформировались в иной институциональной среде. Сравнение этих двух групп позволяет решить проблему обратной причинности.

Не менее важным результатом стал анализ влияния безработицы и инфляции: безработица оказывает на счастье разрушительное воздействие, значительно превосходящее эффект инфляции [5]. Б. Фрей и А. Штуцер выделили несколько механизмов, объясняющих столь сильное негативное влияние безработицы: потеря дохода, потеря социального статуса, разрушение социальных связей, неопределенность будущего. Критический анализ подхода Б. Фрея и А. Штуцера представлен в табл. 2.

Рональд Инглхарт предложил теорию постматериалистического сдвига, согласно которой по мере удовлетворения базовых материальных потребностей происходит смена приоритетов: на смену «материалистическим» ценностям (экономический рост, стабильность) приходят «постматериалистические» (самовыражение, качество жизни, свобода выбора) [6].

¹ Людей, переехавших в данный кантон из другого кантона Швейцарии.

Таблица 2. Критика исследования Б. Фрея и А. Штуцера
Table 2. Criticism of the study by B. Frey and A. Stutzer

Критическое замечание Critical point	Авторы, суть замечания Authors, essence of criticism	Пример, комментарий Example, commentary
Методологические ограничения Methodological limitations	Проблема самоотчетов: использование опросов о субъективном благополучии может искажать реальность из-за культурных различий. В коллективистских обществах (Япония) люди склонны давать более сдержанные оценки счастья The problem of self-reports: using surveys on subjective well-being may distort reality due to cultural differences. In collectivist societies (Japan), people tend to give more restrained assessments of happiness	Ситуативные факторы (погода, политические скандалы) влияют на ответы. Упрощенный экономический анализ: корреляция между доходом и счастьем не доказывает причинно-следственную связь Situational factors (weather, political scandals) affect the responses. Simplified economic analysis: correlation between income and happiness does not prove a causal relationship
Теоретические противоречия Theoretical contradictions	«Пороговый эффект» дохода: более поздние исследования [7] показали, что связь дохода и счастья не исчезает даже при высоких доходах. Критики [6] отмечают, что важнее качество институтов, а не форма демократии The income "threshold effect" [7] showed that the relationship between income and happiness does not disappear even at high incomes. Critics [6] note that the quality of institutions is more important than the form of democracy	Демократия и счастье – контрпримеры: высокий уровень счастья в авторитарном Сингапуре и низкий – в демократической Индии Democracy and happiness – counterexamples: high level of happiness in authoritarian Singapore and low level in democratic India
Проблемы с измерением уровня безработицы Problems with measuring unemployment	Игнорирование «скрытой» безработицы: люди, работающие неполный день против желания, могут быть так же несчастны, как безработные Ignoring "hidden" unemployment: people working part-time involuntarily may be just as unhappy as the unemployed	Не учитывается тип безработицы. В странах с гибким рынком труда (Дания) безработица меньше влияет на счастье благодаря соцподдержке. В США последствия потери работы более драматичны The type of unemployment is not taken into account. In countries with flexible labor markets (Denmark), unemployment affects happiness less due to social support. In the USA, the consequences of job loss are more dramatic
Упрощенная трактовка «парадокса выбора» Simplified interpretation of the "choice paradox"	Однако, согласно исследованию [22]: эффект перегрузки от выбора проявляется только у нерешительных людей, для большинства большой ассортимент повышает удовлетворенность However, according to the study [22]: the effect of choice overload manifests only in indecisive people; for the majority, a large assortment increases satisfaction	Культурный контекст: в индивидуалистических обществах (США) люди ценят выбор больше, чем в коллективистских Cultural context: in individualistic societies (USA), people value choice more than in collectivist ones
Игнорирование неравенства Ignoring inequality	Работа доходов [10] не учитывает, как распределение доходов (а не только средний уровень) влияет на счастье, эффект социального сравнения – рост неравенства может снижать благополучие даже при росте абсолютных The study [10] does not consider how income distribution (not just the average level) affects happiness, the effect of social comparison – rising inequality can reduce well-being even with growth in absolute incomes	Страны с высоким неравенством (США, Китай) демонстрируют более низкий уровень счастья, чем можно было бы ожидать исходя из их ВВП Countries with high inequality (USA, China) demonstrate lower levels of happiness than might be expected based on their GDP

Источник: составлено автором по данным [7, 8, 10, 22]/Source: compiled by the author based on [7, 8, 10, 22].

В постматериалистических обществах связь между экономическим ростом и счастьем ослабевает. Исследования Р. Инглхарта, проведенные на выборке из 52 стран, подтвердили, что после достижения определенного уровня экономического развития дальнейший рост дохода перестает значимо влиять на удовлетворенность жизнью [6].

Важным дополнением стали исследования социального капитала Роберта Патнэма, показавшие, что доверие и сети гражданской активности являются важнейшим предиктором субъективного благополучия [23]. В своей фундаментальной работе *Bowling Alone* Патнэм детально проанализировал эрозию социального капитала в США и ее негативные последствия для благополучия общества [24]. Страны с высоким уровнем социального капитала демонстрируют более высокий уровень счастья даже при прочих равных условиях.

Поведенческая экономика и дифференциация понятия счастья

Принципиально важный шаг был сделан в исследовании Дэниела Канемана и Ангуса Дитона, которые предложили различать эмоциональное благополучие (повседневные переживания) и оценочное благополучие (когнитивную оценку жизни) [4]. Анализируя данные опроса Gallup, в котором приняли участие более 450 000 респондентов в США, они обнаружили, что оценочное благополучие растет с доходом линейно, тогда как эмоциональное – лишь до определенного порога (около 75 000 долл. в год в ценах 2010 г.). Интерпретация этого феномена глубока: доход ниже порогового уровня ассоциируется с хроническим стрессом, вызванным нехваткой ресурсов для удовлетворения базовых потребностей; преодоление порога снимает этот негативный фон, но не гарантирует автоматического роста позитивных эмоций.

Современная критика этого тезиса представлена в табл. 3.

Таблица 3. Критика исследования Д. Канемана и А. Дитона
Table 3. Criticism of the study by D. Kahneman and A. Deaton

Критическое замечание Critical point	Авторы, суть замечания Authors, essence of criticism	Пример, комментарий Example, commentary
Методологические ограничения Methodological limitations	Использование дихотомических вопросов Gallup о пережитых вчера эмоциях (смех, радость, беспокойство) могло создавать «потолочный эффект» (ceiling effect), не позволяя уловить различия в интенсивности позитивных переживаний у людей с высоким доходом The use of Gallup's dichotomous questions about emotions experienced yesterday (laughter, joy, worry) could create a "ceiling effect", failing to capture differences in the intensity of positive experiences among people with high incomes	В более поздних исследованиях с непрерывными шкалами и множественными замерами в течение дня связь между доходом и эмоциональным благополучием оказывается более сильной In later studies with continuous scales and multiple measurements throughout the day, the relationship between income and emotional well-being turns out to be stronger
Эмпирический вызов: работа М. Киллингсворта [19] Empirical challenge: M. Killingsworth's study [19]	Используя метод «выборки переживаний» (многократные опросы в течение дня), благодаря которому было получено 1,7 млн индивидуальных замеров от 33 391 работающего американца, М. Киллингсворт показал, что и эмоциональное, и оценочное благополучие растут с доходом линейно, без какого-либо насыщения даже выше 75 000 долл. Using the experience sampling method (repeated surveys throughout the day), which yielded 1.7 million individual measurements from 33391 working Americans, M. Killingsworth showed that both emotional and evaluative well-being increase linearly with income, without any saturation even above \$75000	М. Киллингсворт обнаружил, что более высокий доход ассоциируется с ростом позитивных эмоций и снижением негативных (грусти, стресса) во всем диапазоне доходов, хотя и с убывающей эластичностью Killingsworth found that higher income is associated with an increase in positive emotions and a decrease in negative ones (sadness, stress) across the entire income range, albeit with diminishing elasticity

Уточнение порога с учетом инфляции Refining the threshold considering inflation	75 000 долл. 2010 года с поправкой на инфляцию соответствуют примерно 105 000–110 000 долл. в 2023–2024 гг., что существенно меняет интерпретацию порога \$75000 in 2010, adjusted for inflation, corresponds to approximately \$105000–110000 in 2023–2024, which significantly changes the interpretation of the threshold	Исследование Jebb et al. [25] с охватом 1,7 млн чел. из 164 стран показало, что «точка насыщения» варьируется в зависимости от страны и составляет от 35 000 до 105 000 долл. The study by Jebb et al. [25], covering 1.7 million people from 164 countries, showed that the "satiation point" varies by country and ranges from 35 000 to 105 000.
Адверсариальное сотрудничество [20] Adversarial collaboration [20]	В специально организованном исследовании-диалоге М. Киллингсворт, Д. Канеман и Б. Меллерс попытались примирить противоречащие результаты. Они обнаружили, что плато существует, но лишь для 15–20 % наименее счастливых людей. Для остальных 80 % уровень счастья продолжает расти с уровнем дохода, причем для самых счастливых – темпы его роста даже ускоряются In a specially organized dialogue study, M. Killingsworth, D. Kahneman, and B. Mellers attempted to reconcile conflicting results. They found that a plateau exists, but only for 15–20% of the least happy people. For the remaining 80%, the level of happiness continues to rise with income, and for the happiest individuals, it even accelerates	Это открытие показало, что гетерогенность населения (различия между людьми) является ключевым фактором, который был упущен в исходном исследовании Д. Канемана и А. Дитона This discovery showed that population heterogeneity (differences between people) is a key factor that was missed in the original Kahneman and Deaton study
Региональные различия Regional differences	Порог значимо варьируется в зависимости от стоимости жизни. В городах с очень высокой стоимостью жизни (Нью-Йорк, Сан-Франциско, Цюрих) он существенно выше, а в регионах с низкой стоимостью жизни – ниже The threshold varies significantly depending on the cost of living. In cities with a very high cost of living (New York, San Francisco, Zurich), it is significantly higher, whereas in regions with a low cost of living, it is lower	Применяя эконометрические методы поиска оптимального порога, Bennedsen et al. [26] обнаружили плато в районе 200 000 долл. годового дохода Using econometric methods to identify the optimal threshold, a plateau at around \$200,000 of annual income was discovered by Bennedsen et al. [26]

Источник: составлено автором по данным [20, 19, 25, 26]/Source: compiled by the author based on [20, 19, 25, 26].

В работе М. Киллингсворта [24], построенной на методе «выборки переживаний» и данных 1,7 млн замеров, показано, что эмоциональное благополучие растет с доходом линейно даже выше порога, хотя и с убывающей эластичностью. В рамках адверсариального сотрудничества М.А. Киллингсворта, Д. Канемана и Б. Меллерса [20] было выявлено, что плато существует лишь для 15–20 % наименее счастливых людей, тогда как для остальных 80 % уровень счастья продолжает расти.

Работа Яна-Эммануэля де Нева и Эндрю Освальда произвела революцию в понимании направления связи между счастьем и доходом [3]. Используя метод менделевской рандомизации, они доказали существование обратной причинно-следственной связи: более счастливые люди впоследствии зарабатывают больше. Суть метода заключается в том, что в качестве инструментальных переменных применяются генетические вариации (гена 5-HTTLPR, регулирующего обратный захват серотонина), которые случайным образом распределены в популяции и влияют на предрасположенность к счастью, но не связаны напрямую с доходом.

Анализ данных национального лонгитюдного исследования Add Health показал, что подростки и молодые люди, сообщавшие о более высоком уровне удовлетворенности жизнью, через 5–10 лет зарабатывали значимо больше. Это открытие имело принципиальное значение для переосмысления роли психологического капитала в экономическом развитии. Критические замечания обобщены в табл. 4.

Таблица 4. Критика исследования Я.-Э. де Неве и Э. Освальда
Table 4. Criticism of the study by J.-E. De Neve and A.J. Oswald

Критическое замечание Critical point	Авторы, суть замечания Authors, essence of criticism	Пример, комментарий Example, commentary
Проблемы с установлением причинности Problems with establishing causality	Несмотря на использование инструментальных переменных, возможны неучтенные факторы. Например, гены, влияющие на уровень дофамина, могут одновременно повышать и уровень счастья, и карьерную успешность. Счастливые люди могут обладать неучтенными социальными преимуществами (харизма, привлекательность), влияющими на доход Despite the use of instrumental variables, unaccounted factors are possible. For example, genes affecting dopamine levels may simultaneously increase both levels happiness and career success. Happy people may possess unaccounted social advantages (charisma, attractiveness) that affect income	Генетические исследования близнецов показывают, что связь между уровнем счастья и уровнем дохода может быть частично обусловлена общими генетическими факторами, влияющими на оба показателя Genetic twin studies demonstrate that the association between happiness levels and income levels may be partly attributable to shared genetic factors influencing both indicators.
Методологические ограничения Methodological limitations	Измерение уровня счастья производилось однократно, что не учитывает ситуативные колебания и когнитивные искажения. Выборка Add Health недостаточно репрезентативна для малообеспеченных и маргинализированных групп населения (бездомные, нелегальные мигранты) The measurement of happiness level was conducted only once, which fails to account for situational fluctuations and cognitive biases. The Add Health sample is not sufficiently representative of low-income and marginalized population groups (the homeless, undocumented migrants)	Культурные различия: в коллективистских культурах (Китай, Япония) связь между счастьем в молодости и будущим доходом может быть слабее или даже иметь обратный знак из-за иных ценностных приоритетов Cultural differences: in collectivist cultures (China, Japan), the relationship between happiness in youth and future income may be weaker or even have the opposite sign due to different value priorities
Этические риски Ethical risks	Использование выводов исследования для дискриминации («ты беден, потому что недостаточно счастлив») или для оправдания социального неравенства представляет серьезную этическую проблему Using the study findings for discrimination ("you are poor because you are not happy enough") or to justify social inequality poses a serious ethical problem	Практика отбора персонала по критерию «счастья» может привести к исключению талантливых, но критически мыслящих или депрессивных специалистов The practice of selecting personnel based on "happiness" criteria may lead to the exclusion of talented but critically thinking or depressed specialists
Альтернативные интерпретации Alternative interpretations	Возможно, выявленный эффект объясняется не счастьем как таковым, а связанными с ним факторами: более высоким уровнем энергии, лучшим физическим здоровьем, более развитыми социальными навыками Perhaps the identified effect is explained not by happiness itself, but by associated factors: higher energy levels, better physical health, more developed social skills	Гипотеза «ресурсного буфера»: счастливые люди могут просто эффективнее проходить собеседования (эффект «сияющей улыбки»), что не обязательно отражает реальную продуктивность The "resource buffer" hypothesis: happy people may simply be more effective at passing interviews (the "shining smile" effect), which does not necessarily reflect actual productivity

Источник: составлено автором по данным [27, 28]/Source: compiled by the author based on [27, 28].

Несмотря на отмеченные ограничения, работа де Неве и Освальда стала поворотным пунктом в развитии «экономики счастья» [3]. Она окончательно разрушила упрощенную модель однонаправленной причинности и продемонстрировала, что счастье и экономический успех связаны отношением взаимного усиления: счастье способствует росту дохода, а рост дохода

(при определенных условиях) может способствовать росту счастья, что создает возможности для кумулятивных эффектов на протяжении жизненного цикла. Как показали Ф. Лютанс с соавторами, психологический капитал, включающий самоэффективность, надежду, оптимизм и устойчивость, может быть развит и выступает значимым фактором конкурентного преимущества организаций [29]. Метаанализ С. Любомирски с коллегами подтвердил, что частота позитивного аффекта положительно связана с успехом в различных жизненных сферах, включая работу и отношения [30]. Этот вывод имел принципиальное значение для переосмысления роли благополучия в экономическом развитии – из пассивного результата оно превращалось в активный фактор, производственный ресурс.

Неравенство как модератор связи

Исследования Ричарда Уилкинсона и Кейт Пикетт показали, что высокий уровень неравенства негативно сказывается на большинстве социальных проблем и показателей качества жизни, причем страдают не только бедные, но и средние слои населения [8]. Методология основывалась на сопоставлении коэффициента Джини с широким спектром индикаторов: уровнем доверия, психическими заболеваниями, ожирением, подростковой беременностью, преступностью, продолжительностью жизни, социальной мобильностью. Ключевой тезис: неравенство вредит всем, а не только бедным.

Знаменитый «график Великого Гэтсби» демонстрирует устойчивую отрицательную связь между уровнем неравенства и межпоколенческой мобильностью: в странах с высоким неравенством шансы ребенка из бедной семьи достичь высокого дохода значительно ниже.

Идеи Р. Уилкинсона и К. Пикетт получили подтверждение в работе Шигехиро Оиси, Кэрл Грэм и Селина Кесебира, которые обнаружили, что рост неравенства нейтрализует позитивный эффект роста ВВП на субъективное благополучие [10]. Анализируя данные по 34 странам за 1972–2008 гг., они установили, что при низком неравенстве экономический рост приводит к росту удовлетворенности жизнью, тогда как при высоком неравенстве эта связь исчезает или становится отрицательной. Критические замечания представлены в табл. 5.

Таблица 5. Критика исследования Ш. Оиси, Дж. Грэма и С. Кесебира
Table 5. Criticism of the study by Sh. Oishi, J. Graham and S. Kesebir

Критическое замечание Critical point	Авторы, суть замечания Authors, essence of criticism	Пример, комментарий Example, commentary
Проблемы причинности Problems with causality	Использование агрегированных страновых данных не позволяет однозначно установить причинно-следственную связь: возможно, снижение уровня счастья вызвано не неравенством как таковым, а сопутствующими факторами – ослаблением профсоюзов, сокращением социальных расходов, дерегуляцией рынков The use of aggregated country-level data does not allow for an unambiguous establishment of a causal relationship: the decline in happiness level may be caused not by inequality as such, but by accompanying factors – weakening of trade unions, reduction of social spending, market deregulation	Б. Стивенсон и Дж. Вулферс [7] показали, что при контроле на абсолютный доход эффект неравенства становится статистически незначимым в некоторых спецификациях B. Stevenson and J. Wolfers [7] showed that when controlling for absolute income, the effect of inequality becomes statistically insignificant in some specifications
Культурный контекст Cultural context	В странах с коллективистскими ценностями (Япония, Южная Корея) высокое неравенство может сочетаться с относительно высоким уровнем счастья благодаря иным механизмам социального сравнения и большей толерантности к иерархии	Парадокс Латинской Америки: страны с высоким неравенством (Бразилия, Мексика) демонстрируют неожиданно высокие уровни счастья, что объясняется гипотезой

	In countries with collectivist values (Japan, South Korea), high inequality may be combined with relatively high levels of happiness due to different mechanisms of social comparison and greater tolerance for hierarchy	«теплая культура – крепкие социальные связи» The Latin American paradox: countries with high inequality (Brazil, Mexico) demonstrate unexpectedly high levels of happiness, which is explained by the "warm culture – strong social ties" hypothesis
Игнорирование «полезного» неравенства Ignoring "beneficial" inequality	В инновационных секторах (Кремниевая долина, стартап-экосистемы) высокое неравенство может выступать мотиватором роста и не снижать субъективное благополучие, если оно воспринимается как справедливое вознаграждение за талант и усилия In innovative sectors (Silicon Valley, startup ecosystems), high inequality may act as a motivator for growth and not reduce subjective well-being if it is perceived as fair reward for talent and effort	Исследования показывают, что важна не столько величина неравенства, сколько его восприятие – вера в меритократию и социальную мобильность способна компенсировать негативные эффекты неравенства Research shows that what matters is not so much the magnitude of inequality, but its perception – belief in meritocracy and social mobility can compensate for the negative effects of inequality
Неучтенные переменные Unaccounted variables	В работе [10] недостаточно внимания уделено роли социальной политики государства: страны с развитой системой перераспределения (Швеция, Норвегия) могут смягчать негативные эффекты неравенства через предоставление общественных благ и социальных гарантий, даже при относительно высоком рыночном неравенстве The study [10] pays insufficient attention to the role of state social policy: countries with developed redistribution systems (Sweden, Norway) can mitigate the negative effects of inequality through the provision of public goods and social guarantees, even with relatively high market inequality	В странах Северной Европы высокие налоги и качественные общественные услуги создают «социальную защиту», которая снижает зависимость благополучия от индивидуального дохода и смягчает последствия неравенства In Nordic countries, high taxes and quality public services create "social protection", which reduces the dependence of well-being on individual income and mitigates the consequences of inequality

Источник: составлено автором по данным [20, 27, 31]/Source: compiled by the author based on [20, 27, 31].

Кэрл Грэм ввела понятие «несчастливого роста» и исследовала феномен «смертей от отчаяния» в США, показав, что разрыв между макроэкономической статистикой и субъективным благополучием обусловлен неравномерным распределением выгод от роста [9]. К. Грэм показывает, что верхние 20 % населения получали основную часть прироста доходов, тогда как большинство столкнулось со стагнацией заработных плат, ростом неопределенности, ослаблением социальных связей. Феномен «смертей от отчаяния» (рост числа смертей среди белых американцев без высшего образования от самоубийств, алкоголя и наркотиков), впервые зафиксированный Энн Кейс и Ангусом Дитоном [32] [32], стал символом глубокого кризиса, поразившего промышленные регионы США.

Современный синтез и новые вызовы

Важнейшей вехой в институционализации альтернативных подходов к измерению прогресса стал доклад Д.Ю. Стиглица, А. Сена, Ж.-П. Фитусси [1], заложивший концептуальные основы движения Beyond GDP. Ключевые рекомендации доклада: сместить акцент с измерения производства на измерение благосостояния; уделять первостепенное внимание распределению доходов; расширить систему национальных счетов для включения нерыночных видов деятельности; учитывать устойчивость развития; использовать многомерный подход к измерению качества жизни.

Влияние доклада трудно переоценить: ОЭСР запустила программу How's Life? и разработала Индекс лучшей жизни [13]; ООН включила задачи по благополучию в Цели устойчивого развития; ряд стран (Новая Зеландия, Исландия, Шотландия, ОАЭ) начали внедрять «бюджетирование, ориентированное на благополучие».

Масштабное лонгитюдное исследование Эндрю Кларка, Сары Флеш и их коллег предоставило эмпирическую базу для ранжирования факторов счастья [11]. На основе данных нескольких длительных панельных наблюдений (British Cohort Study, German Socio-Economic Panel, Australian HILDA Survey) авторы оценили относительный вклад различных факторов в субъективное благополучие. Ключевой вывод: психическое здоровье и качество социальных связей являются главными детерминантами субъективного благополучия, существенно превосходя по значимости материальный доход после достижения базового уровня обеспеченности.

Таблица 6. Иерархия факторов счастья (по Э. Кларку, С. Флеш и др.)
Table 6. Hierarchy of happiness factors (according to E. Clark, S. Flèche et al.)

Ранг Rank	Фактор Factor	Вклад в удовлетворенность жизнью (условные единицы) Contribution to life satisfaction (conventional units)	Комментарий Commentary
1	Психическое здоровье (отсутствие депрессии, тревожности) Mental health (absence of depression, anxiety)	1,0 (базовый уровень) 1.0 (baseline)	Самый мощный предиктор. Депрессия снижает удовлетворенность жизнью сильнее, чем развод, безработица или бедность The most powerful predictor. Depression reduces life satisfaction more strongly than divorce, unemployment, or poverty
2	Качество социальных связей (наличие партнера, друзей, поддержка) Quality of social relations (presence of a partner, friends, support)	0,8	Одиночество и социальная изоляция – сильнейшие факторы риска снижения благополучия Loneliness and social isolation are the strongest risk factors for reduced well-being
3	Физическое здоровье (отсутствие хронических заболеваний, инвалидности) Physical health (absence of chronic diseases, disability)	0,6	Особенно важно в пожилом возрасте. Хроническая боль и ограничения мобильности резко снижают качество жизни Particularly important in old age. Chronic pain and mobility limitations sharply reduce quality of life
4	Стабильная занятость и качество работы Stable employment and job quality	0,5	Важнее, чем уровень дохода. Нестабильность, стресс, отсутствие автономии на работе снижают уровень счастья даже при высокой зарплате More important than income level. Instability, stress, lack of autonomy at work reduce happiness level even with high salaries
5	Доход (после достижения базового уровня) Income (after reaching a basic level)	0,2–0,3	Влияние существует, но оно значительно слабее, чем влияние психического здоровья и социальных связей. После порога в 20–30 тыс. долл. эластичность уровня счастья по доходу резко падает The effect exists, but it is significantly weaker than the impact of mental health and social relations.

			After the threshold of \$20000–30000, the elasticity of the happiness level with respect to income drops sharply
6	Образование Education	0,1	Само по себе образование влияет на счастье слабо; его эффект опосредован – через лучшие возможности на рынке труда, более стабильные отношения, лучшее здоровье Education itself has a weak effect on happiness; its effect is mediated – through better opportunities in the labor market, more stable relationships, better health

Источник: составлено автором по данным [11, 33]/Source: compiled by the author based on [11, 33].

Ключевой вывод исследования: психическое здоровье и качество социальных связей являются главными детерминантами субъективного благополучия, существенно превосходя по значимости материальный доход после достижения базового уровня обеспеченности [11]. Как подчеркивает Р. Лэйард, проблемы психического здоровья представляют собой «новый фронт» для экономической науки и политики, поскольку их решение способно принести огромные выгоды как для индивидов, так и для общества в целом [34]. Не менее важен вывод о кумулятивном эффекте жизненных трудностей: факторы, действующие в детстве (психическое здоровье матери, эмоциональное благополучие ребенка, социально-экономический статус семьи), оказывают долгосрочное влияние на счастье во взрослой жизни.

Ежегодный Всемирный доклад о счастье, публикуемый под эгидой ООН с 2012 г., стал наиболее заметным воплощением идей «экономики счастья» в глобальном масштабе [12]. Методология доклада основана на шести ключевых факторах: ВВП на душу населения, социальная поддержка, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, свобода выбора, щедрость, восприятие коррупции. За более чем десятилетнюю историю сложилась устойчивая картина: верхние строчки рейтинга стабильно занимают страны Северной Европы, что объясняется сочетанием высокого уровня социального доверия, развитой социальной поддержки, низкого неравенства и баланса между работой и личной жизнью. Критика доклада представлена в табл. 7.

Таблица 7. Критика Всемирного доклада о счастье (World Happiness Report)
Table 7. Criticism of the World Happiness Report

Критическое замечание Critical point	Суть замечания Essence of criticism	Пример, комментарий Example, commentary
Культурная предвзятость Cultural bias	Используемые вопросы и методология отражают западное, индивидуалистическое понимание счастья, что может не соответствовать представлениям о благополучии в коллективистских культурах. Вопрос «Смеялись ли вы вчера?» может давать заниженные оценки в культурах, где сдержанность ценится выше экспрессивности The questions used and the methodology reflect a Western, individualistic understanding of happiness, which may not correspond to ideas about well-being in collectivist cultures. The question "Did you laugh yesterday?" may yield underestimated assessments in cultures where restraint is valued more than expressiveness	Исследования показывают, что в странах Восточной Азии (Япония, Китай, Корея) люди склонны давать более сдержанные оценки счастья даже при высоком уровне объективного благополучия из-за культурных норм скромности Research shows that in East Asian countries (Japan, China, Korea), people tend to give more restrained assessments of happiness even with high levels of objective well-being due to cultural norms of modesty

<p>Методологические ограничения Methodological limitations</p>	<p>Опросы Gallup охватывают около 1000 респондентов на страну, что недостаточно для репрезентации гетерогенных обществ с населением в сотни миллионов человек [3, 13]. Велика вероятность ошибок выборки и недостаточного охвата маргинализированных групп Gallup surveys cover about 1000 respondents per country, which is insufficient to represent heterogeneous societies with populations of hundreds of millions of people [3, 13]. There is a high probability of sampling errors and insufficient coverage of marginalized groups</p>	<p>Для таких стран, как Индия (с населением 1,4 млрд и огромным культурным разнообразием), выборка в 1000 человек не может адекватно отразить реальную картину субъективного благополучия For countries like India (with a population of 1.4 billion and enormous cultural diversity), a sample of 1000 people cannot adequately reflect the real picture of subjective well-being</p>
<p>Проблема самоотчетов Problem of self-reports</p>	<p>Ответы на вопросы о счастье подвержены множеству искажений: влияние текущего настроения, погоды, событий последних часов, социальная желательность. Люди могут давать разные ответы на один и тот же вопрос в зависимости от контекста Answers to questions about happiness are subject to multiple distortions: impact of current mood, weather, events of recent hours, social desirability. People may give different answers to the same question depending on the context</p>	<p>Исследования с использованием метода выборки переживаний (experience sampling) дают иную картину распределения эмоционального благополучия, чем ретроспективные оценки Studies using the experience sampling method give a different picture of the distribution of emotional well-being than retrospective assessments</p>
<p>Политическая ангажированность Political bias</p>	<p>Высказываются опасения, что рейтинг может использоваться для политического пиара и что методология может подстраиваться под желаемые результаты. Стабильное лидерство скандинавских стран иногда объясняют не только их реальными достижениями, но и особенностями сбора данных и культурной готовностью давать высокие оценки Concerns are expressed that the ranking may be used for political PR and that the methodology may be adjusted to desired results. The stable leadership of Scandinavian countries is sometimes explained not only by their actual achievements but also by data collection features and cultural readiness to give high assessments</p>	<p>Изменения в методологии от года к году (например, введение новых переменных) затрудняют сопоставимость результатов и создают возможности для манипуляций Changes in methodology from year to year (e. g., introduction of new variables) complicate the comparability of results and create opportunities for manipulation</p>
<p>Игнорирование «темной стороны» счастья Ignoring the "dark side" of happiness</p>	<p>Страны с высокими показателями счастья часто имеют высокий уровень потребления антидепрессантов и самоубийств, что ставит вопрос о том, что именно измеряет рейтинг. Гедонистическое благополучие может достигаться ценой подавления критического мышления и конформизма Countries with high happiness indicators often have high levels of antidepressant consumption and suicide rates, which raises the question of what exactly the ranking measures. Hedonic well-being may be achieved at the cost of suppressing critical thinking and conformism</p>	<p>Финляндия и Дания, лидирующие в рейтинге счастья, входят также в число стран с высоким уровнем потребления антидепрессантов на душу населения, что указывает на возможный разрыв между декларируемым и реальным благополучием Finland and Denmark, leading in the happiness ranking, are also among the countries with high levels of antidepressant consumption per capita, which indicates a possible gap between declared and actual well-being</p>
<p>Проблема каузальности² Problem of causality</p>	<p>Используемые в докладе корреляции между шестью факторами и оценками жизни не доказывают причинно-следственных связей. Высокий уровень счастья может быть причиной, а не следствием, например, щедрости или доверия</p>	<p>Исследования Я.-Э. де Неве и Э. Освальда [3] показывают, что счастье влияет на будущий доход и со-</p>

² Причинно-следственная связь, отношение причины и следствия.

	The correlations used in the report between the six factors and life evaluations do not prove causal relationships. A high level of happiness may be a cause, not a consequence, of, for example, generosity or trust	циальный успех, что ставит под сомнение однонаправленную интерпретацию, принятую в докладе Studies by J.-E. De Neve and A.J. Oswald [3] show that happiness affects future income and social success, which casts doubt on the unidirectional interpretation adopted in the report
--	---	--

Источник: составлено автором по данным [7, 16, 27, 35]/Source: compiled by the author based on [7, 16, 27, 35].

Методология исследования

Методологическая основа настоящего исследования сформирована на базе междисциплинарного подхода, сочетающего принципы классического и институционального анализа, а также элементы экономической теории, социологии и психологии. Основу концептуальной рамки составляют системный, процессный и институциональный подходы.

Системный подход позволил рассматривать «экономику счастья» как сложную междисциплинарную область, в которой различные теоретические направления взаимодействуют и дополняют друг друга. Институциональный подход применялся для анализа влияния формальных и неформальных правил на эффективность взаимодействия экономических агентов.

В работе использовались методы сравнительно-исторического анализа для прослеживания эволюции теоретических представлений, критического анализа для выявления ограничений каждого подхода, и синтеза для интеграции результатов различных исследований в целостную картину. Контент-анализ научной литературы позволил систематизировать ключевые направления дискуссии и выявить зоны научного консенсуса.

Результаты

Проведенный анализ позволяет выделить пять ключевых этапов эволюции теоретических подходов.

Первый этап связан с возникновением «парадокса Истерлина» и первой волной критики (работы Б. Стивенсон и Дж. Вулферса). Установлено, что связь между доходом и счастьем не является прямой и линейной, а опосредована механизмами адаптации и социального сравнения.

Второй этап – институциональный поворот, представленный исследованиями Б. Фрея и А. Штуцера (роль политических институтов, безработицы), а также теорией постматериализма Р. Инглхарта и исследованиями социального капитала Р. Патнэма. Показано, что качество институтов и уровень социального доверия значимо влияют на субъективное благополучие.

Третий этап – дифференциация понятия счастья в поведенческой экономике (Д. Канеман и А. Дитон: различие эмоционального и оценочного благополучия) и переосмысление причинности (Я.-Э. де Неве и Э. Освальд: доказательство обратной связи «счастье → доход»).

Четвертый этап – анализ неравенства как модератора связи. Установлено, что высокий уровень неравенства нейтрализует позитивные эффекты экономического роста (Р. Уилкинсон и К. Пикетт, Ш. Оиси и Дж. Грэм). Выявлен феномен «несчастливого роста» и «смертей от отчаяния» (К. Грэм, Э. Кейс и А. Дитон).

Пятый этап – институционализация «экономики счастья» в системе государственного управления и международной статистики. Речь идет не просто о появлении новых исследований, а о трех параллельных процессах: 1) принятие рекомендаций Д.Ю. Стиглица, А. Сена, Ж.-П. Фитусси наднациональными организациями (ОЭСР, Евростат); 2) внедрение показателей субъективного благополучия в национальные системы мониторинга (Новая Зеландия, Исландия, Уэльс) с 2019 г.; 3) создание регулярного института публичного сравнения стран через Всемирный доклад счастья (ООН, ежегодно с 2012 г.). Именно это превращение концепции из

академической гипотезы в инструмент бюджетного планирования и межстранового бенчмаркинга обозначается как институционализация.

Современное состояние научного знания позволяет утверждать, что связь между доходом и счастьем:

- нелинейна – после достижения определенного уровня базовой обеспеченности эластичность счастья по доходу снижается;
- опосредована множеством факторов – институты, неравенство, социальный капитал, культурные нормы, психическое здоровье;
- двунаправлена – счастье выступает не только результатом, но и фактором экономического успеха;
- гетерогенна – по-разному проявляется у различных групп населения и в разных культурных контекстах.

Дискуссия

Развитие «экономики счастья» высветило ряд фундаментальных проблем, остающихся в центре научной полемики.

Проблема измерения. Опора на субъективные самоотчеты респондентов порождает вопросы о надежности и сопоставимости данных. Ответы подвержены влиянию ситуативных факторов (настроение, погода, события последних часов), социальной желательности, семантической неопределенности (разные люди вкладывают разный смысл в понятие «счастье»). Существует также принципиальное различие между «испытываемым Я» и «помнящим Я», убедительно продемонстрированное Д. Канеманом. В ответ на эти ограничения исследователи ищут объективные корреляты субъективного благополучия – нейрофизиологические корреляты (активность определенных структур мозга, уровень нейромедиаторов) и «цифровые следы» (анализ постов в социальных сетях, поисковых запросов).

Культурный контекст. Большинство теорий разработаны на материале западных стран и несут отпечаток индивидуалистической культуры. Кросс-культурные исследования выявляют существенные различия в понимании счастья и факторах, его определяющих [31]. В коллективистских культурах (Восточная Азия) на первый план выходят гармоничные отношения с другими, принадлежность к группе, соответствие ожиданиям сообщества. Япония и Южная Корея демонстрируют феномен «азиатского парадокса» – относительно низкие показатели субъективного благополучия при высоком уровне дохода.

Новые вызовы. Цифровизация и социальные сети создают новые возможности для поддержания социальных связей, но также порождают новые источники стресса (эффект «инстаграм-реальности», постоянное социальное сравнение) [36]. Климатический кризис вызывает феномен «климатической тревожности» [37] и ставит под вопрос парадигму бесконечного экономического роста. Пандемия COVID-19 стала «естественным экспериментом», высветившим уязвимость сложившихся моделей благополучия и обнажившим глубокое неравенство в уязвимости перед кризисом.

Проблема каузальности. Большинство исследований выявляют корреляции, интерпретация которых в причинном ключе требует осторожности. Классические проблемы включают пропущенные переменные, обратную причинность, ошибки измерения. Современные методы (менделевская рандомизация, панельные данные с фиксированными эффектами, натуральные эксперименты, инструментальные переменные) позволяют частично преодолеть эти ограничения, но полное решение проблемы каузальности вряд ли достижимо. Многие важные вопросы (например, о долгосрочных эффектах экономического роста на счастье) по своей природе не поддаются экспериментальной проверке.

Перечисленные ограничения – не повод для скептического отказа от исследования взаимосвязи счастья и экономического роста, а указание на необходимую методологическую куль-

туру. Полное устранение проблем измерения, каузальности и культурного контекста в социальных науках невозможно, однако в экономике счастья сложились три реалистичные стратегии их учета. Первая (методологическая) – переход от разовых опросов к комбинации методов: метод выборки переживаний, поведенческие эксперименты и анализ цифровых следов (посты в социальных сетях, поисковые запросы), что позволяет фиксировать не ретроспективные оценки, а актуальные эмоциональные состояния. Вторая (статистическая) – обязательное использование панельных данных с фиксированными эффектами, инструментальных переменных (менделевская рандомизация, как в работе Я.-Э. де Нева и Э. Освальда) и кросс-валидации на независимых выборках для отделения корреляций от причинно-следственных связей. Третья (интерпретационная) – отказ от поиска универсальной формулы счастья в пользу контекстно-зависимых моделей: один и тот же уровень дохода, неравенства или свободы выбора может давать противоположные эффекты в зависимости от культурной матрицы (индивидуализм vs коллективизм) и институционального дизайна (перераспределение vs дерегуляция). Таким образом, корректный способ работы с фундаментальными проблемами экономики счастья – не их отрицание или замалчивание, а их явное моделирование как переменных, а не «статистического шума».

Заключение

Проведенный анализ эволюции теоретических подходов к взаимосвязи экономического роста и субъективного благополучия позволяет сформулировать ряд выводов. Путь, пройденный «экономикой счастья» за 50 лет, представляет собой траекторию усложнения исследовательской парадигмы: от простого вопроса «Делает ли рост ВВП людей счастливее?» к многомерным моделям, интегрирующим институциональные, социокультурные, психологические и биологические факторы. «Парадокс Истерлина» не был ни окончательно подтвержден, ни опровергнут – он был существенно усложнен и обогащен.

В научном сообществе достигнут консенсус по ряду положений. Социальные связи и психическое здоровье признаны главными детерминантами субъективного благополучия [11]. Неравенство вредит благополучию не только бедных, но и общества в целом [8, 10]. Экономический рост, оставаясь критически важным для бедных стран и для преодоления нищеты, в развитых обществах не гарантирует автоматического повышения благополучия, поскольку его влияние опосредовано множеством факторов [1, 2]. Измерение прогресса требует выхода за рамки ВВП и использования многомерных систем индикаторов [1, 13].

В то же время сохраняются дискуссионные вопросы: универсальность западных моделей счастья, совершенствование методов установления причинности, концептуальное осмысление новых вызовов (цифровизация, климатические изменения, пандемии), поиск надежных методов измерения благополучия.

Теоретические дискуссии имеют важное практическое значение. Для государственной политики это означает отказ от фетишизации ВВП, включение показателей субъективного благополучия в систему принятия решений, приоритет инвестиций в здравоохранение (особенно психическое) и образование, учет неэкономических последствий экономических решений [1, 11, 15]. Для бизнеса – переосмысление корпоративных целей, инвестиции в благополучие сотрудников, развитие корпоративной культуры, основанной на доверии и психологической безопасности. Для индивидов – ориентация на отношения, психическое здоровье, баланс работы и жизни.

Эволюция теоретических подходов отражает глубинный сдвиг в понимании природы прогресса: экономика выступает не самоцелью, а средством, подлинной целью провозглашается благополучие человека и общества в гармонии с окружающей средой. Этот сдвиг еще далек от завершения, и будущее «экономики счастья» будет определяться тем, насколько успешно ей удастся ответить на вызовы, выявленные в настоящем исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стиглиц Д.Ю., Сен А., Фитусси Ж.-П. *Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?* Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.
2. Easterlin R.A. Happiness and economic growth – the evidence. *Global Handbook of Quality of Life. International Handbooks of Quality-of-Life*. Eds. W. Glatzer, L. Camfield, V. Møller, M. Rojas. Dordrecht: Springer, 2015. P. 283–299. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-9178-6_12.
3. De Neve J.-E., Oswald A.J. Estimating the influence of life satisfaction and positive affect on later income using sibling fixed effects. *Proc Natl Acad Sci USA*, 2012, Vol. 109, № 49, P. 19953–19959.
4. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proc Natl Acad Sci USA*, 2010, Vol. 107, № 38, P. 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107.
5. Frey B.S., Stutzer A. *Happiness and economics: how the economy and institutions affect human well-being*. Princeton: Princeton University Press, 2002. 220 p.
6. Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, freedom, and rising happiness: a global perspective 1981–2006. *Perspectives on Psychological Science*, 2008, Vol. 3, № 4, P. 264–285.
7. Stevenson B., Wolfers J. Subjective well-being and income: is there any evidence of satiation? *American Economic Review*, 2013, Vol. 103, № 3, P. 598–604. DOI: 10.1257/aer.103.3.598.
8. Wilkinson R., Pickett K. *The spirit level: why more equal societies almost always do better*. London: Allen Lane, 2009. 352 p.
9. Graham C. *Happiness for all?: unequal hopes and lives in pursuit of the American dream*. Princeton, Princeton: Princeton University Press, 2017. 192 p.
10. Oishi S., Kesebir S. Income inequality explains why economic growth does not always translate to an increase in happiness. *Psychological Science*, 2015, Vol. 26, № 10, P. 1630–1638. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797615596713>.
11. Clark A.E., Flèche S., Layard R., Powdthavee N., Ward G. *The origins of happiness: the science of well-being over the life course*. Princeton: Princeton University Press, 2018. 336 p.
12. *World Happiness Report 2024*. Eds. J.F. Helliwell, R. Layard, J.D. Sachs, J.-E. De Neve, L.B. Aknin, S. Wang. Oxford: Wellbeing Research Centre, University of Oxford, 2024. 154 p. URL: <https://worldhappiness.report/ed/2024/> (дата обращения 10.03.2024).
13. *How's Life? 2020. Measuring well-being*. Paris: OECD Publ., 2020. 247 p. DOI: 10.1787/9870c393-en. URL: https://www.oecd.org/en/publications/how-s-life/volume-issue/_9870c393-en.html (дата обращения 10.03.2026).
14. *World Development Report 2021: data for better lives*. Washington, DC: World Bank, 2021. 326 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1600-0.
15. Доклад о психическом здоровье в мире: преобразования в интересах всех людей. Краткий обзор. Женева, Всемирная организация здравоохранения, 2022. 15 с. URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240050860> (дата обращения 10.03.2026).
16. Коростелева В.В. Эволюция концепций счастья: от абстрактной философской категории к новой парадигме экономического развития. *Экономика, предпринимательство и право*, 2025, Т. 15, № 10, С. 7061–7080. DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.15.10.123967>. EDN: MOMQPK.
17. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, Vol. 57, № 6, P. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069. EDN: HIUWTD.
18. Seligman M.E.P. *Flourish: a visionary new understanding of happiness and well-being*. New York: Free Press, 2011. 368 p.
19. Killingsworth M.A. Experienced well-being rises with income, even above \$75,000 per year. *Proceedings of the national academy of sciences of the United States of America*, 2021, Vol. 118, № 4, Art. e2016976118. DOI: 10.1073/pnas.2016976118. EDN: JWWWNR.
20. Killingsworth M.A., Kahneman D., Mellers B. Income and emotional well-being: a conflict resolved. *Proc Natl Acad Sci USA*, 2023, Vol. 120, № 10, Art. e2208661120. DOI: 10.1073/pnas.2208661120. EDN: FXTQCE.
21. Ларин А., Филясов С. Парадокс Истерлина и адаптация в России. *Экономический журнал ВШЭ*, 2018, Т. 22, № 1, С. 59–83. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83. EDN: YVIRCN.
22. Scheibehenne B., Greifeneder R., Todd P.M. Can there ever be too many options? A meta-analytic review of choice overload. *Journal of Consumer Research*, 2010, Vol. 37, № 3, P. 409–425. DOI: 10.1086/651235.
23. Патнэм Р. *Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
24. Putnam R.D. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 544 p.
25. Jebb A.T., Tay L., Diener E., Oishi S. Happiness, income satiation and turning points around the world. *Nature Human Behaviour*, 2018, Vol. 2, P. 33–38. DOI: 10.1038/s41562-017-0277-0.
26. Buttrick N., Oishi S. Money and happiness: a consideration of history and psychological mechanisms. *Proceedings of the national academy of sciences of the United States of America*, 2023, Vol. 120, № 13, Art. e2301952120. DOI: 10.1073/pnas.2301952120. EDN: WSSCMX.
27. Дэвис У. *Индустрия счастья. Как Big Data и новые технологии помогают добавить эмоцию в товары и услуги*. М.: Эксмо, 2017. 320 с.

28. Bartels M., Boomsma D.I. Born to be happy? The etiology of subjective well-being. *Behavior Genetics*, 2009, Vol. 39, № 6, P. 605–615. DOI: 10.1007/s10519-009-9294-3. EDN: YQQPPI.
29. Luthans F., Youssef C.M., Avolio B.J. *Psychological capital: developing the human competitive edge*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 256 p.
30. Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? *Psychological Bulletin*, 2005, Vol. 131, № 6, P. 803–855. DOI: 10.1037/0033-2909.131.6.803.
31. Lim H.C. Post-materialism and democracy in East Asia: a critical reassessment. *Asian Journal of Political Science*, 2012, Vol. 20, № 2, P. 135–153. DOI: 10.1080/02185377.2012.710222.
32. Case A., Deaton A. *Deaths of despair and the future of capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 2020. 312 p.
33. Layard R., Clark A.E. *Thrive: the power of evidence-based psychological therapies*. London: Allen Lane, 2014. 384 p.
34. Layard R. Mental health: the new frontier for labour economics. *IZA Journal of Labor Policy*, 2013, Vol. 2, № 1, Art. 2. DOI: 10.1186/2193-9004-2-2.
35. Чурилова Э.Ю. К вопросу о достоверности международных индексов процветания, счастья и человеческого развития. *Креативная экономика*, 2024, Т. 18, № 9, С. 2507–2530. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.18.9.121645>. EDN: BPGVLC.
36. Twenge J.M. *iGen: why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy –and completely unprepared for adulthood*. New York: Atria Books, 2017. 352 p.
37. Clayton S. Climate anxiety: psychological responses to climate change. *Journal of Anxiety Disorders*, 2020, Vol. 74, Art. 102263. DOI: 10.1016/j.janxdis.2020.102263. EDN: ZOPFCR.

Информация об авторе

Виктория Викторовна Коростелева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры стратегического и инновационного развития факультета «Высшая школа управления» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр., 49/2; vivkorosteleva@fa.ru

Поступила в редакцию: 11.03.2026

Поступила после рецензирования: 25.04.2026

Принята к публикации: 23.06.2026

REFERENCES

1. Stiglitz D.Yu., Sen A., Fitoussi J.-P. Mispricing our lives: why GDP doesn't make sense? *Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Moscow, Gaidar Institute Publ. House, 2016. 216 p. (In Russ.)
2. Easterlin R.A. Happiness and economic growth – the evidence. *Global Handbook of Quality of Life. International Handbooks of Quality-of-Life*. Eds. W. Glatzer, L. Camfield, V. Møller, M. Rojas. Dordrecht, Springer, 2015. pp. 283–299. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-017-9178-6_12.
3. De Neve J.-E., Oswald A.J. Estimating the influence of life satisfaction and positive affect on later income using sibling fixed effects. *Proc Natl Acad Sci USA*, 2012, vol. 109, no. 49, pp. 19953–19959.
4. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proc Natl Acad Sci USA*, 2010, vol. 107, no. 38, pp. 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107.
5. Frey B.S., Stutzer A. *Happiness and economics: how the economy and institutions affect human well-being*. Princeton, Princeton University Press, 2002. 220 p.
6. Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, freedom, and rising happiness: a global perspective 1981–2006. *Perspectives on Psychological Science*, 2008, vol. 3, no. 4, pp. 264–285.
7. Stevenson B., Wolfers J. Subjective well-being and income: is there any evidence of satiation? *American Economic Review*, 2013, vol. 103, no. 3, pp. 598–604. DOI: 10.1257/aer.103.3.598.
8. Wilkinson R., Pickett K. *The spirit level: why more equal societies almost always do better*. London, Allen Lane, 2009. 352 p.
9. Graham C. *Happiness for all?: unequal hopes and lives in pursuit of the American dream*. Princeton, Princeton University Press, 2017. 192 p.
10. Oishi S., Kesebir S. Income inequality explains why economic growth does not always translate to an increase in happiness. *Psychological Science*, 2015, vol. 26, no. 10, pp. 1630–1638. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797615596713>.
11. Clark A.E., Flèche S., Layard R., Powdthavee N., Ward G. *The origins of happiness: the science of well-being over the life course*. Princeton, Princeton University Press, 2018. 336 p.
12. *World Happiness Report 2024*. Eds. J.F. Helliwell, R. Layard, J.D. Sachs, J.-E. De Neve, L.B. Aknin, S. Wang. Oxford, Wellbeing Research Centre, University of Oxford, 2024. 154 p. Available at: <https://worldhappiness.report/ed/2024/> (accessed 10 March 2024).

13. *How's Life? 2020. Measuring Well-being*. Paris, OECD Publ., 2020. 247 p. DOI: 10.1787/9870c393-en. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/how-s-life/volume-issue_9870c393-en.html (accessed 10 March 2026).
14. *World Development Report 2021: data for better lives*. Washington, DC, World Bank, 2021. 326 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1600-0.
15. *World Health Organization. World Mental Health Report: Transforming Mental Health for All. Executive Summary*. Geneva, WHO, 2022. 15 p. Available at: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240050860> (accessed 10 March 2026).
16. Korosteleva V.V. The evolution of happiness concepts: from an abstract philosophical category to a new paradigm of economic development. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2025, vol. 15, no. 10, pp. 7061–7080. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.15.10.123967>. EDN: MOMQPK.
17. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 57, no. 6, pp. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069. EDN: HIUWTD.
18. Seligman M.E.P. *Flourish: a visionary new understanding of happiness and well-being*. New York, Free Press, 2011. 368 p.
19. Killingsworth M.A. Experienced well-being rises with income, even above \$75000 per year. *Proceedings of the national academy of sciences of the United States of America*, 2021, vol. 118, no. 4, Art. e2016976118. DOI: 10.1073/pnas.2016976118. EDN: JWWWNR.
20. Killingsworth M.A., Kahneman D., Mellers B. Income and emotional well-being: a conflict resolved. *Proc Natl Acad Sci USA*, 2023, vol. 120, no. 10, Art. e2208661120. DOI: 10.1073/pnas.2208661120. EDN: FXTQCE.
21. Larin A., Filyasov S. Adaptation and the easterlin paradox in Russia. *Higher School of Economics Economic Journal*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 59–83. (In Russ.) DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83. EDN: YVIRCN.
22. Scheibehenne B., Greifeneder R., Todd P.M. Can there ever be too many options? A meta-analytic review of choice overload. *Journal of Consumer Research*, 2010, vol. 37, no. 3, pp. 409–425. DOI: 10.1086/651235.
23. Putnam R. *Making democracy work: civic traditions in modern Italy*. Moscow, Ad Marginem, 1996. 287 p. (In Russ.)
24. Putnam R.D. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York, Simon & Schuster, 2000. 544 p.
25. Jebb A.T., Tay L., Diener E., Oishi S. Happiness, income satiation and turning points around the world. *Nature Human Behaviour*, 2018, vol. 2, pp. 33–38. DOI: 10.1038/s41562-017-0277-0.
26. Buttrick N., Oishi S. Money and happiness: a consideration of history and psychological mechanisms. *Proceedings of the national academy of sciences of the United States of America*, 2023, vol. 120, no. 13, Art. e2301952120. DOI: 10.1073/pnas.2301952120. EDN: WSSCMX.
27. Davies W. *The happiness industry: how the government and big business sold us well-being*. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 320 p. (In Russ.)
28. Bartels M., Boomsma D.I. Born to be happy? The etiology of subjective well-being. *Behavior Genetics*, 2009, vol. 39, no. 6, pp. 605–615. DOI: 10.1007/s10519-009-9294-3. EDN: YQQPPI.
29. Luthans F., Youssef C.M., Avolio B.J. *Psychological capital: developing the human competitive edge*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 256 p.
30. Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? *Psychological Bulletin*, 2005, vol. 131, no. 6, pp. 803–855. DOI: 10.1037/0033-2909.131.6.803.
31. Lim H.C. Post-materialism and democracy in East Asia: a critical reassessment. *Asian Journal of Political Science*, 2012, vol. 20, no. 2, pp. 135–153. DOI: 10.1080/02185377.2012.710222.
32. Case A., Deaton A. *Deaths of despair and the future of capitalism*. Princeton, Princeton University Press, 2020. 312 p.
33. Layard R., Clark A.E. *Thrive: the power of evidence-based psychological therapies*. London, Allen Lane, 2014. 384 p.
34. Layard R. Mental health: the new frontier for labour economics. *IZA Journal of Labor Policy*, 2013, vol. 2, no. 1, Art. 2. DOI: 10.1186/2193-9004-2-2.
35. Churilova E.Y. Reliability of international indices of prosperity, happiness and human development. *Creative Economy*, 2024, vol. 18, no. 9, pp. 2507–2530. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.18.9.121645>. EDN: BPGVLC.
36. Twenge J.M. *iGen: why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy — and completely unprepared for adulthood*. New York, Atria Books, 2017. 352 p.
37. Clayton S. Climate anxiety: psychological responses to climate change. *Journal of Anxiety Disorders*, 2020, vol. 74, Art. 102263. DOI: 10.1016/j.janxdis.2020.102263. EDN: ZOPFCR.

Information about the author

Victoria V. Korosteleva, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2, Leningradsky avenue, Moscow, 125167, Russian Federation; vivkorosteleva@fa.ru

Received: 11.03.2026

Revised: 25.04.2026

Accepted: 23.06.2026